

Оглавление

<i>Пролог</i>	4
Глава первая. Кризис	10
Глава вторая. Папина дочка	19
Глава третья. Жиза	27
Глава четвертая. В ловушке	34
Глава пятая. Любовь	43
Глава шестая. Тело	63
Глава седьмая. Не только мама	86
Глава восьмая. Пока смерть не разлучит нас	111
Глава девятая. Сексуальность	131
Глава десятая. Девичники	152
Глава одиннадцатая. Эверест	179
Глава двенадцатая. Свобода?	201
<i>Об авторе</i>	215

Пролог

Я в лесу. Воздух прохладный, еще не рассвело. Я ступаю по влажной земле. Мне не страшно. Я свободна. Я в порядке, почти в порядке, более-менее в порядке, вроде бы в порядке. Совсем не в порядке.

Вы, наверное, гадаете, что привело меня сюда? Год назад я сошла с ума.

Однажды я проснулась и поняла, что сейчас взорвусь. У меня словно закипела кровь — и никакой лед бы тут не помог. Мне все надоело, весь мир. Я устала. Никогда прежде я так не злилась и не задыхалась от грусти и пустоты. А главное, я чувствовала себя невероятно, безнадежно одинокой.

А ведь со стороны моя жизнь казалась идеальной. На что было жаловаться? Хорошая работа, верный муж,

трое детей, которые иногда, конечно, настоящие занозы в заднице, но в целом очень даже славные. А еще дом, собака и все прочие радости. Не жизнь, а мечта каждой девочки. Разве не так нам внушают с малых лет?

Но теперь я была вне себя. Мне надоели одни и те же разговоры о том, что приготовить на ужин, и о внеклассных занятиях детей. Надоел супружеский секс, уже восемь лет происходивший по одному сценарию, и надоело, что порой даже такого секса подолгу не было. Я не хотела превращаться в мамочку. А как же сражать наповал, сводить с ума? Кто налепил на меня ярлык, который противоречит всей моей сущности? Мне претитло одеваться по-мамски, водить мамскую машину, носить мамскую стрижку и даже быть записанной у кого-то в телефоне как мама.

Я хотела быть собой.

* * *

У меня были подруги. Они тоже стали мамочками, но почему-то даже с ними я не могла поделиться своими чувствами. Казалось, все они живут осуществившейся мечтой. А чем не мечта? Уютный пригород, дети, минивэн с вечным беспорядком на заднем сиденье, один отпуск в год, званые ужины. Каждое вторничное утро — йога, время для себя. От всего этого меня выворачивало.

Глядя в зеркало, я больше не понимала, кто я. Я видела в лучшем случае блеклую тень той, кем я была

до рождения детей. Моя личность словно стерлась. И пути назад, казалось, не было.

В моих сексуальных фантазиях стал появляться садовник, которого я видела несколько месяцев назад. В тот день я отвозила близняшек в садик и, как всегда, опаздывала. На мне были штаны для йоги, джинсовая куртка и футболка, вся в пятнах от чая. Я пыталась запихнуть детей в двойную коляску, а те разбежались в разные стороны. И тут я увидела его. В шортах, со сногшибательными кубиками на животе и громадной воздуходувкой через плечо. Он был похож на загорелого австралийского серфера из рекламы энергетических напитков, только без гидрокостюма. Я не вру. Он выходил из чьего-то дома и направлялся к своему фургону, припаркованному как раз рядом с моей машиной, а я думала: интересно, видит ли он, что я пляжусь на его татуированные бицепсы из-за темных очков? Я часто носила эти очки. Они стали частью мамской униформы, потому что прекрасно скрывали темные мешки под глазами (я недосыпала: дети часто будили меня среди ночи, чтобы, например, обсудить морковь). Еще я убедила себя, что, несмотря на мамский пучок, мамский лифчик и треники в стиле «здравствуй, бабуля», эти большие темные очки, закрывавшие пол-лица, делали меня немного похожей на Джеки Онассис*. Естественно, я себя обманывала.

* Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис — первая леди США, законодательница моды.

По правде говоря, мне было все равно, заметил ли он, что я на него плююсь. Я представила, как он хватает меня и прижимает к стене, по-прежнему держа на плече свою воздуходувку.

* * *

Вечером, укладывая спать трех дочерей, я поймала себя на том, что по непонятной причине улыбаюсь. Моя семилетка дралась с одной из младших близняшек из-за какой-то дешевой игрушки, а я пыталась притвориться, будто читать книжку для пятилеток интересно. Ничего интересного на самом деле. В статьях о родительстве редко предупреждают, как сложно обучить ребенка чтению. Так вот, покорение горшка — ерунда по сравнению с миллион раз неверно прочтенным словом «кот».

Мой муж Майк где-то пропал, и день выдался, мягко говоря, долгий. Но все это не имело значения, потому что я думала о воздуходувках.

Ночью я лежала в кровати и мечтала о страстных романах, о путешествиях, о том, как стану кем-то еще, встречу кого-то еще и мне снова будет двадцать. Какой была бы моя жизнь, не будь я женой и матерью? Воображение переносило меня в далекие края, где я больше не была Той — мамой троих детей из пригорода и гуру полезных перекусов. В тех краях мне не было стыдно прийти в любимый португальский ресторан, потому что мой ребенок не написал там когда-то на пол и мне не пришлось

притворяться, что это яблочный сок. Там я не была мамой, постоянно изобретающей рецепты с киноа в тщетных попытках сделать этот ужас съедобным. Признайте: у киноа нет вкуса и оно никогда не сравнится с картошкой, политой расплавленным сливочным маслом. В фантазиях я становилась кем-то другим и могла делать что хочу. Я была свободна. Но наутро я просыпалась и снова оказывалась в ловушке.

* * *

С каждым днем чувство пустоты усиливалось. Я была словно дикий зверь в клетке, вся горела. Но если зверь жаждет крови, то я жаждала чего-то, чего не понимала сама.

Я начала оставлять машину в том самом месте, где видела садовника, надеясь встретить его снова. Я рассказала о нем лучшей подруге Ионите, и мы стали ходить по этой улице с колясками и заглядывать в чужие сады. Я даже надела *не* треники и впервые за несколько месяцев побрила ноги. Но он нам так и не попался.

Я знала, что мне должно быть совестно или хотя бы неловко. Я же как-никак хорошая жена и ответственная мать. Мне уже за сорок. Как я смею так себя чувствовать? В моем возрасте светиться не положено. Не положено сомневаться, правильно ли я живу. Сорок — время увядать, как увяли мои груди после окончания вскармливания. Сорок — время становиться невидимой, растворяться в толпе других, таких же ненужных и неважных. Но я не желала

становиться невидимой. Напротив, мне хотелось, чтобы меня замечали, хотелось большего, но я еще не понимала, что это значит.

Чтобы заполнить пустоту, я начала есть. Вечерами я устраивала себе праздник желудка: шоколад, чипсы, пирожные. Я сидела на диване с Майком и смотрела телевизор в тишине, которую не нарушало ничего, кроме звуков жевания. От этого мне становилось физически плохо, и на следующий день я клялась сесть на строгую диету, но каждый раз нарушала клятву.

Сначала мне казалось, что это лишь период. Что всему причиной гормональный дисбаланс и нужно просто принять таблетку или начать медитировать. Я занялась йогой и дыхательными практиками, потом даже попробовала зеленые соки, которые все так хвалят. Соки оказались редкостной гадостью. Одним словом, я надеялась, что гроза пройдет мимо и скоро все вернется на круги своя. Я буду и дальше жить так, как жила последние семь лет, и мне перестанет мерещиться, что я медленно умираю.

К счастью, этого не случилось. К счастью, стало только хуже.